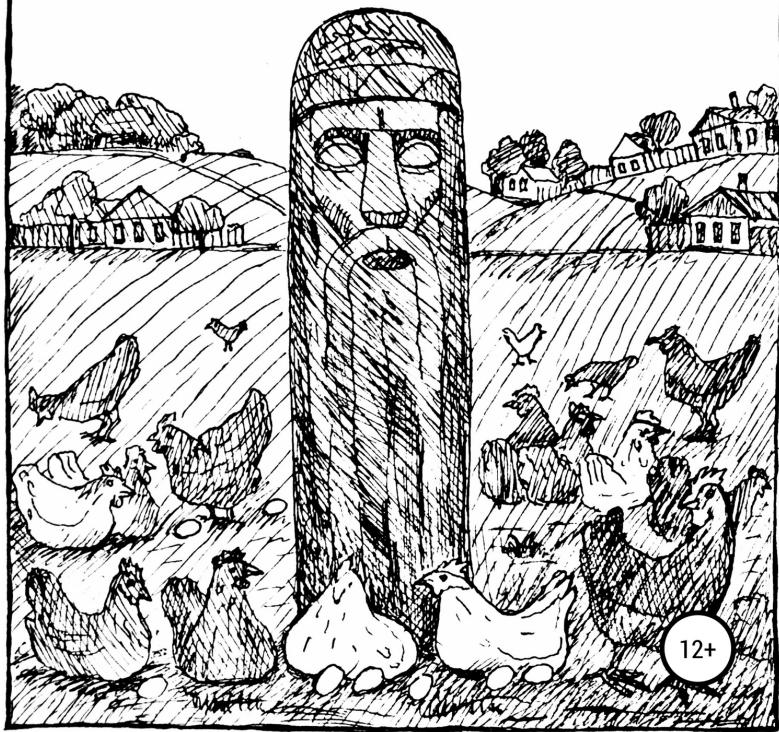

Ирина Дюгаева

Кумир

12+

Ирина Дмитриевна Дюгаева

Кумир

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55161241

SelfPub; 2020

Аннотация

Десять лет Игорь Петрович проработал главой сельсовета Тупиков, пятьдесят лет здесь прожил, всю жизнь провёл – здесь родился, здесь и умереть ему суждено. И за всё время лишь теперь оказался в тупике: приехали городские зубоскалы, прихвостни прогресса, зачинатели модернизации и порешили срубить Тупиковый лес, вспахать почву, разворотить природу. Игорь Петрович костыми ляжет, а захватчиков выпроводит. Тем паче, не один в этой борьбе – ему тайная сила поможет, древний бог на его стороне.

Содержание

Кумир	4
Б-10 PROFFI	8
Трошки на стёжке	15
Рябчик	41
Ящерова невеста	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Кумир

День-дон

Гришка с посвистом спускался по ухабистому логу, осторожно петлял меж головок брусники, боясь примять хоть одну былинку.

Алексей, друг его, говорил, что это «абнормально» – заботиться так о траве и букашках и бояться их задеть. «АБнормально – потому, что ты оболтус», – пояснял при этом Алексей. Гришка не видел в этом логики и повода для возмущения, но в ответ молчал. Доля правды была в увещеваниях друга. Иногда, слыша, как под ногой *стонет* смятая травинка или *пищит* раздавленный жучок, Гришка чувствовал, как по позвоночнику проходит дрожь, морозящая суставы. Хруст сломанной ветки порой мог вызвать у него нервный тик. Неприятное дело.

Об этих «абнормальных» ощущениях Гришка помалкивал, чтобы совсем уж за идиота не держали. Но Алексей всё равно пошарил в интернете и выяснил, что Гришкина особенность называлась «биофилией». Этот факт он на днях преподнес с таким самодовольством, как будто спас Гришку из пожара.

От осознания этой филии Гришке легче не стало, совсем наоборот. Лес он любил, но теперь всё чаще ходил туда, чув-

ствуя себя душегубцем, пришедшим в храм, чтобы свернуть шею всем его клирикам.

Черно-пятнистые вислые уши Гвидона подрагивали от высоких козых прыжков. Пес залихватски сиганул с низкого оврага прямо в речку. Гришка приземлился на траве, с содроганием подмял туеском листики заячьей капусты, огляделся, испугавшись, что кто-то мог видеть, как он губит муравушку.

В зените созревало солнце. Воздух был приятно-чистый, от воды несло свежестью. Облюбованное местечко на заросшем берегу пахло старым кедром и еловым можжевельником. В глуби леса неумно стучала желна.

Гришка втянул носом как можно больше воздуха, словно выпивая лечебное снадобье от всех бытовых сует. Только разрисованный туесок связывал с повседневным житьем. Остальное – резво гоняющий мошкату Гвидон, робкие крохали, венчающие водяную гладь – все это уносило дальше и дальше от реальности, в царство единоличных раздумий.

Гришка благодушно отогнал навязчивых слепней (хорошо ещё заранее намазался репудином), раскрыл туесок и с переполненным удовольствием откусил бабушкину кулебяку.

Гвидон уставился на него с заостренной просьбой и заискивающе заскулил. Гришка притворно цокнул, но потом как бы невзначай отломил кусок и подбросил. Гвидон визгливо тьякнул, поднялся на задние лапы и словил гостинец. В приступе счастливой радости Гришка тягуче гикал, роняя крош-

ки пирога на домотканые штанцы.

Боголепное мгновение: солнце протягивало теплые лучистые объятия, румянило очерстевшую от труда душу. После работы на пожне Гришке лучше всего отдыхалось именно здесь, в затаенном уголке лесного царства.

Он заложил руки за голову и улегся поудобнее, уж больно разморило на сон. Только какой-то неусыпной, чуткой частью ещё слышал тьяканье Гвидона, пока засыпал. Темнота притупила обиды на взвинченную бабушку и доставучего Алексея.

Где-то на границе растолченного дремотой сознания забился звон колокольчиков.

Динь-дон. Динь-дон.

Показалось, будто только миг прошел, потому что проснулся Гришка быстро и внезапно – от вдарившей в нос гари и требовательного псиного гавканья.

Встрепенулся, стряхнул сонность с вялых плеч, уловил легкий треск веток. Не успел сообразить, что к чему, как дымная гарь раздражила гортань и понесла к горлу кашель.

Воздух переменялся, стал едкий и противный; вокруг повис туман. Лес горел, укутанный тяжелым пожаром, но Гришка не видел огня.

Динь-дон. Динь-дон.

Слабое гавканье Гвидона зазывно раздалось из чащи. Гришка, как был, забыв о вещах, кинулся в кедровые дебри. Не бросать же псину, погорит дурной...

Или самому спастись? Бабушка не выдержит, если он умрет...

Мысли осиным роем гудели в голове, мешали сосредоточиться. Гришка испугался, что вот-вот свалится без чувств, силы начали покидать его, но что-то внутри продолжало гнать вперед против драконьего жара, по следу собачьего лая.

Дым жрал воздух, колол глаза маленькими иглами. Гришка решил, что это сон, навеянный тяжелым днем, только никак не мог ущипнуть себя, чтобы проверить это. Сомкнул веки, уперто пошел на ощупь, совсем ничего не видя, задыхаясь от ужаса. Вдруг проснется...

Звон неугомонно нарастал, – *динь-дон, динь-дон* – он уже заглушил треск огня, тьяканье и взволнованный переклет диких птиц.

А затем всё как-то неестественно стихло. Гришка даже остановился от внезапности, только тут же ощутил, как нога провалилась вниз, и он покатился по ухабистому бугру. Боль от удара была такая яркая, какую во сне точно не испытаешь.

Б-10 PROFFI

Приехала оценочная комиссия, в пять голов строго покивала, глядя на низкие домишки; решила, что церкви быть под снос, потому как здание проседает, и поставила аварийный крест. Тогда и стало прибывать городских, как рыба из продырявленной сети. Хлынули на село Тупики, загудели научными терминами, засорили деньгами и постановили срубить лес, на его месте отстроить какой-то там комплекс.

Председатель, Непокорнев Игорь Петрович, три раза созывал сельсовет. По полсотни раз перепроверил порубочный билет, разрешение от Лесхоза, потребовал и планировку местности, и копию договора с подрядчиком, и... Всё чертям на пир! Все документы были на руках – придраться не к чему, даже улыбки барчуков-собственников и чопорных юристов казались неподдельными.

Всю судьбину отдал Игорь Петрович Тупикам: и рос здесь, и учился, и работал, а потом добрался и до сельсовета и должности председателя. Знал всех местных так же хорошо, как бородавки на ступнях! И тут, впервые за долгое, мышиное существование Тупиков случилось нечто из ряда вон. Сущее мытарство – бодаться с законом за справедливость. Игорь Петрович прощупал это на своей шкуре – на правой стопе вскочила новая бородавка.

Сдал он, сдал по всем фронтам. Так же, как сдал родимый

колхоз когда-то. Развал коммуны ещё тогда показал – неча против течения биться.

Как он только в глаза Предславе смотреть будет... «Хил ты, старче!» – станут уничижительно кричать её по-детски волнующиеся, большие очи.

Полдень уж вызревал, когда Игорь Петрович подкатил на своей драндулетке (почитай что ветхой пролетке) к лесной чащобе. От обчищенной застройщиками пущи несло влагой, мать-землёй и скорбью. Вместо перепевов зарянки слух тербили грубые выкрики рабочего мужичья да рева техники.

Бульдозеры и тракторы инородным жёлто-яичным пятном растекались среди лесной зелени. Геометрически правильные, дотошные их тела давили, пронзали девственную чистоту природы. Игорь Петрович сглотнул толстый ком, обтёр нос.

Отчая земляца, которую он ещё мальчишкой уминал, была взрылена, чрево её вспорото, внутренности – корневища-кишки, кровь-глина — вскопаны. Такое ужасие сущий зверь сотворить мог. «Машина – имя ему», – подумал Игорь Петрович, снова обтёр нос, снова сглотнул ком.

– Без вас бы обошлись, Петрович! – непутёво пробухтел бригадир: широкие ладони-лапы, тискавшие не одну грубую работёнку, болезненные круги под глазами и такие же глаза.

– Я так, позырять на чудо техники, на богатство современное.

– Есть на что! – Бригадир указал на экскаватор. Плотные

зубья пасти-ковша жаднуче уминали взрыхлённую почву. Не без сожаления Игорь Петрович отметил:

– Работка хорошо прёт, смотрю.

– Та не очень. Грунт тяжёлый, влажный, плохо идёт. Округа еще болотистая, непроходяга сплошная.

– Уж если это у вас плохо идет, боязно подумать, что у вас хорошо. – Бригадир не услышал. Не без злорадства выслушал Игорь Петрович о неудачах рабочей силы. Не председатель, так лес-батюшка отпор даст!

– А не зря вы объявились. – Бригадир почесал щетинистый подбородок, добрецки подмигнул. – Надо вам кой-чего показать, пока не ушли. – Заговорщически повел за жиденький цуг ещё нетронутых деревцев. А там...

Точно кратером выровненная, лысая, очищенная от леса площадка красовалась бельмом посреди густой чащи. Как будто сила нечистая выжгла жизнь, до самого корня выжгла. Или словно утюгом прогладили ровнёхонький круг, выровняв лесистые бугры и хломишки. Даже травинки не осталось: под ногами хрустели перемолотые кости деревьев – щепки, опилки, безжизненно-сухие, вымученные. Между лесом и участком пролегла искусственная, резко очерченная межа.

«Вырвать всё! Захапать, перемолоть и сожрать! Всё сожрать!» — скалились хищные ехидные морды рабочих мужиков, с довольством глядевших на свой гибельный труд.

– Вот какое дельце. Нашли мы ваш... ну, это, столб, и если б вы не пришли, так бы и сбросили, но столб-то дельный,

ручную работу видно.

Игорь Петрович бессильно поморгал, усиленно всматриваясь в резкие черты бригадира. Шутил что ли? Какие столбы? Какие ручные работы? Он, председатель, старожила, каждую ветку знал здесь, но никаких столбов.

– Какие такие столбы?

– Ну, ваш, столб – для красоты ли или в память, не знаю. Тока если вы здесь, может, и оставить захотите или еще чего.

У Игоря Петровича закружилась голова, перед глазами помутнело, ладони обнесло потом. На просьбу показать – бригадир почти раболепно повел его по кайме лысого круга. «Хрусть, хрусть», – жалился Тупиковый лес под ногами.

Подошли к широкой прогалине. Всем селом звали это место Дубовой рощей. Дуб раскинулся один, рощей не пахло, зато какой исполин! Богатая жила – в объёме уместил бы одну, а то и две коровки. Крона царская была, под такой листвою встанешь, солнца не разглядишь, света белого не увидишь – настолько густая. Под этим вековым дубом не одно поколение тупиковцев нежилась в младо-страстные годы. Ветер так качал его ветви, с такой лаской, что листья не шумели, шептались, баюкали. Теперь не то... Ветви пообрубали, калека, не дуб, не мощь, хилость одна.

Под рёбрами больно кольнуло у Игоря Петровича. Отвернулся, смахнул непрошеную слезу с ресниц.

– Не узнаете столб ваш, что ли? – нетерпеливо буркнул бригадир. Пришлось обернуться, взглянуться в заскорузлую

кору дуба, различить... Игорь Петрович ахнул. На подступах к дубу, в сплетении толстых корней, как по указке божьей, столб пророс. Может, кто из молодых поставил в непокорности власти?

Столб не простой оказался. На тотем али что-то такое больше похож был, с вырезанным лицом старца, ногами в лаптях. Он столь верно пришелся к месту, словно стоял здесь не один десяток лет. В высоту на глаз Игорь Петрович прикинул аршинов пять. Непобедимым стражем встал тотем на защиту дуба. «Похвалить бы наших за такую работу, за боевой дух, но строго, чтоб зарубили на носу, что такое показушничество урожая не даст».

– Ну, начальник, – усмехнулся бригадир, – валим столб?

– Валим, – упало горемычное смирение.

Тут же сновал, рыча, бульдозер. «Руссоюз» — нарекала его перепачканная чернозёмом надпись на такой же грязной кабине. Под названием компании грамотненько, к месту, прописали номер, многоциферный, отдающий безжалостной деловитостью, как и сами застройщики.

– Б-10 – новейшая моделька, не работает, летает! – промурлыкал бригадир с такой гордостью, как если б самолично собирал машину. Потом последовал приказной выкрик бригаде, больше походивший на приговор палача.

Выучил Игорь Петрович новое имя смерти, данное современностью – «Б-10». «Б-10» не медлил, живо напал на маленького тотема, навалился плоской грудью отвала. Засло-

нила машина тотемешку, председатель не то что, разглядеть, осознать, охватить тотем разумом толком не успел! Пожалел вдруг о своем решении.

Скрежущий металлический звук оцарапал слух. Отвал бульдозера, таранивший тотем, надломился, как если б был мягонькой колобухой хлеба. Затрещала железная зверюга, завопила раненым зверем, искры полетели. Как будто старик-идол из чугуна или чего еще покрепче сделан был. Сущая несусветица! Проломился «Б-10», вмялся в том месте, где тотем впечатался в его плоскостопный перед.

Не успел Игорь Петрович и бровью повести, как в нос ударило гарью, жжёной резиной и паникой. Вспыхнуло где-то за пригорком. И покатилося наперебой меж ветвей: «Горим! Пожар! Технику спасай!»

Позже, когда Игорь Петрович вспоминал происшедшее, то, как ни силился, не мог выудить из памяти ничего, кроме горящих глаз старца-идола да неуместно-фантастического звона колокольчиков.

«Динь-дон» – хлынул дым со всех сторон.

«Динь-дон» – заволок небо он.

«Динь-дон» – нёсся панический гон.

«Динь-дон» – лес восстал рожном.

На раскисших ногах Игорь Петрович побежал прочь, нырнул в течение рабочих. «Технику, технику спасай!» – будто из-под толщи воды доносился приглушенный вопль бригадира. Главное — техника. Не лес, не зверьё, не люди, всё

техника-кормилица.

От перепуга заложило уши, но Игорь Петрович как наяву различил настоящий звериный рык. И встал прямо посреди волнующейся толпы. Один из рабочих больно задел плечо, чуть не столкнул, но председатель выдержал. Как-то всё глупо и неправдоподобно показалось. Перевёл взгляд на серое небо в дыму.

Коль не сон всё это, помереть ему здесь писано. Как пить дать, помереть вместе с лесом, с детством, с *жизнью*.

Трошки на стёжке

Алело где-то за туманом грёз. Недружелюбное солнце обожгло веки, а потом из-за завесы дрёмы донёсся шум. В непроглядной дали звенел колокольчик... Когда Гришка проснулся, полдень уже цвел на дощатом полу, разлив полоски света. Гришка поморщился и вздрогнул.

– Я прямо-таки сивилла, знал, что этот, столь нелюбимый тобой звук, разбудит тебя. – Алексей самодовольно шурился. Его лапшичного цвета волосы искрились на кончиках. Он некрасиво и звучно прихлёбывал чай. – Знаешь, какой факт я выявил, друже? Когда ты бродишь в царстве Орфея, ты похож на нежного, м-м... – пожевал сравнение и выдал: – ты похож на нежного, как персик, херувима. Может, тебе стоит побольше спать? Глядишь, так и останешься вечно улыбочивой прелестной милахой. Чем ходить с одной и той же миной.

– Нет бы чего хорошего пожелать, а ты всё. – Гришка вяло махнул рукой и зарылся в перинные подушки.

– Я же шутку пустил. А ты снова в сон собрался? Э, братец, больно много чести. Хватит тебе уже... ленно тут возлежать. Далеко тебе до римских патрициев.

– Я мало спал, – хмуро отнекивался Гришка.

– Ого-го – «мало»! Мне бы такое «мало». Я бы не жаловался на жизнь, владей я таким долгим ласковым сном. Ты

уж почти сутки дрыхнешь.

Гришка недоверчиво покосился на него.

– Ну, и чёрт бы с ним, дальше буду спать, – нехотя доложил он.

– Да ты, видно, и не знаешь, что нашли-то тебя в прибрежном касатике. Прибило тебя, видать, быстринной, и видать, с горящего леса. Романтично, а? Половина деревни тебя хоронить собралась, даже дед Сашка отошёл от заготовленного гроба и понес твоей бабке рубль на похороны, а поторопился и изгваздал себя в насмешках всего нашего люда. Пришла тётя Света, бывшая медичка, и сказала, что ты просто без сознания, а так жив-здоров и проживешь кучу лет без докторов.

В мозгу Гришки тут же щёлкнуло. Врезались воспоминания.

– Я же Гвидона в лесу оставил! И лес... сгорел?

– Ох, Гриха... – Алексей понуро опустил голову, прикрыл лицо рукой. Сердце у Гришки заморозило. Неужто и Гвидон?..

Алексей неуместно хихикнул и мигнул лукавым глазом из-под ладони.

– Ты аж позеленел. Эта шутейка стоила того, чтобы посмотреть на твое выражение, – едко выкинул он, принимая беззаботный облик. – Нормально всё с лесом, дымил только сильно. Пока считают, что это торфяники загорелись под землёй. Невиданное дело тут творилось.

Алексей не выпускал из рук чашку, которую он для себя

выбрал, когда впервые побывал в гостях у Гришки и его бабушки. Такой уж он, Алексей, был – аристократ по всем меркам. Собственным меркам. Его главной мечтой было, как он сам признавался, «научиться говорить красочно, чтобы слова, срывались с языка плавно и непринуждённо, как листва с деревьев по осени, и чтобы сочлились слова силой и убеждением». Но в итоге речь его была пестра да не жива, отдавала театральностью и деланностью. Алексей был чем-то вроде искусственного, отшлифованного книжными оборотами алмаза, а не природным самородком.

– Значица, лес не сгорел? – оживился Гришка.

– Ну, говорю же, прекрасно поживает наш лиственник, прямо чудесно, лучше, чем мы тут. Вся деревня как на иголках. Только об этом и судачат и валят всё на строителей. И председатель подливает масла, молчит в ответ на расспросы, ничего не говорит, если намекают на вину застройщиков.

– Мне, значица, туда, в лес надо. – Гришка нервно откинул одеяло, скинул ступни на нагретый пол, в полосу света.

– Но-но, куда заторопился? – цокнул Алексей, суетливо дергая пальцами. – Тебе прописан покой. Лучше проспипи еще тыщенку часов, чем шляться по лесу.

– А вот Гвидон бы выручил тебя, если бы ты был на его месте и потерялся в лесу.

– Ага, выручил бы, если бы ещё был человеком... личностью! – запоздало перечеркнул Алексей, но Гришка уже скрипел половицами, идя к престарелому шкафу за одежон-

кой.

– Я всё Галине Степановне расскажу, – обиженно канючил Алексей.

– Да пожалста, бабушка и сама бы за Гвидоном пошла, если б знала. Где она вообще?

– Пошла к тётё Клаве за настоем хмеля, тебя поить... сон тебе творить, – с творческим упоением закончил.

– И со мной тебя сидеть оставила?

– А кого ещё?

«Никого», — проследовал мысленный ответ. Слова Алексея несколько угнетающе воздействовали на Гришку, напомнив, что вернее него и Гвидона не было у него больше друзей.

Жил Гришка с бабушкой, родители остались где-то в городе; от чего они умерли, он не знал – бабушка упёрто не рассказывала, и вообще плохо их помнил, а дед пропал года три назад. Любил его дед Анатолий Семеныч Добровязов ходить в лес, был он герпетологом и считал Тупиковый лес с его болотами и речкой благодатной почвой для изучения земноводных.

Избенка их стояла на окраине села, у речной прикормки, ближе всех к лесу, раскинувшемуся на том берегу, поэтому частенько соседи сравнивали их избенку с маяком: заплутаешь по ночи в пуще, так если увидишь свет, не бойсь, это не светляк и не нечисть, это фонарь у дома Галины Степановны. Спасет он тебя, иди на него. Покоилась их бревенчатая

истопка¹ на завалинке², поскольку от речки холодом и простудой тянуло. Слюдяные косячатые окошки в тисовом срубе, перекошенный тамбур да пара поскотников³ – вот и всё богатство Добровязовых.

– И без еды, и без питья пойдешь? – Алексей подозрительно глянул на Гришку, уже было шагнувшего в сенцы на выход.

– А ить прав ты, братец. – Гришка зашел в кухню.

– Сильно тебя присучило-то, – свистнул Алексей.

Гришка открыл кран, вода вспухла из-под алюминиевой пасти и тихонько зажурчала. Набиралась пол-литровая бутылка долго, муторно, как заговоренная.

– Так ты со мной, братец?

– В лес-то? – неуверенно билась чайная ложечка в пальцах Алексея. – Ты лучше дома оставайся, найдём мы твою драгоценную дворнягу. А пока тебе отдых нужен.

– Ты не переводи. Пойдёшь со мной? – и прямо в лукавые глаза Алексея зыркнул. Тот вздрогнул, выронил ложечку под струйчатое журчанье воды.

– Пойду, пойду, ну что ты. Я-то еще сытый. А тебя, не дай боже, быстро сморит голод.

Гришка промолчал, поставил полную бутылку на столеш-

¹ *Истопка (устар.) – изба.*

² *Завалинка – насыпь, прокладываемая снаружи вдоль дома для предохранения от промерзания зимой.*

³ *Поскотник (местн.) – амбар для скота.*

ник. Что голод человеку, свыкшемуся с муторной работой в поле? Делу – время, как говорится.

Голому одеться – только подпоясаться. Собрались быстро, не зная лишних споров и хлопот. Гришка запахнулся в новенькую штормовку, а то летающая конина в этом году сильно досаждала.

В сениях перекрестился на юго-восток красного угла. Привычка, перенятая от деда перед походом в лес. Вот и пропал Анатолий Семеныч, потому как не перекрестился в последний день: то ли забыл, то ли пренебрег бытовым уставом. Так и остался где-то на болотах. С тех пор лики святых на божницах глядели как-то по-особенному печально и строго, а убрус на столе-престоле всё время был какой-то измятый, в складках, как будто хмурился.

На выходе из дому не забыли погладить медвежью лапу на двери – к удаче в пути. Откуда взялась эта медвежья лапка, затейливо обтянутая бахромчатым браслетом, известно было лишь домовому. Однако сделалась она необходимым предметом обихода, без неё изба стала бы чужой и неудобной.

Лесок Тупиковский стоял прямо на противоположном берегу реки, поднимался с займища реденьким кустарником, лозняком, а дальше уходил вверх пологим холмом. Крупнился, пригибаясь к воде, черношишкастый орешник. Речка Тупиха только в половодье казалась полной и налившейся, но давно уже больше походила на обросший ручей, простершийся меньше, чем на четвертину метров вширь.

От Гришкиного дома до плотинного мостка было рукой подать, поэтому частенько к ним с бабушкой народ забредал, ой, как частенько; летом дни без гостей можно было по пальцам одной руки счесть.

– Туда даже нельзя ходить, там бригады, строители, кто знает, вдруг снова торфяник вспыхнет, – не унимался Алексей. – Задохнемся и сляжем в коробочку раньше положенного.

– Нет там никого, и мы же не вглубь идём, а так, округу почесать. Я там вчера один был. То есть с Гвидоном.

– Твоё состояние даже неизвестно, вдруг сотрясение или еще чего. Может, гарь из легких не до конца вышла... или дурь из башки.

– Гвидону и того хуже сейчас может быть.

Алексей дулся, и видно было по его сдвинутым бровям и сжатым губам, что искал он ещё какой-нибудь довод, но тщетно. Гришка шумно выдохнул под гулкие перекаты реки.

Неспокойно, ох, как беспокойно было у него на душе. Что-то недоброе должно было случиться. Только бы чай не с Гвидоном...

Лес встретил дружным гомоном слепней, тихим шуршаньем листьев и еле уловимой свежестью. Гришка вздохнул свободнее, чуть прикрыл веки, напиваясь влажностью земли и дурманом влажной коры. Алексей буйно размахивал руками, отгоняя знойных дрозодил.

– Пойдём уже, пока не ушли на прокорм кровососам. – Он разгневанно топал вперед, на ходу яростно подпрыгивали его песочные кудри. Гришка с жалостью смотрел на траву, примятую другом.

– Это жужжанье просверлит мне дыру в ушах, – все больше раздражался Алексей; его кудри напоминали клубок змей. Наконец, он не выдержал, достал подаренный родней смартфон и включил музон, сеявший английские слова и шептунью хаос. Это было его лучшим успокоительным.

– Где ты видел его последний раз? – чуть повеселее спросил Алексей.

– За прудом, – пришибленно буркнул Гришка. Настроение его ощутимо падало, как ведро в бездонный колодец. В лес лучше одному ходить.

«Гвидон! Гвидо-о-он!» – громко позвал он, пугая щебечущую птицу. Представлялась ему радостно лающая морда Гвидона, счастливо свисший махровый язык и бесконечно преданные яшмовые в крапинку глазищи. Подвижного и несколько даже мечтательного склада был его пёс, никогда не лаявший без причины: только по утрам в знак приветствия да по вечерам – на прощанье, скрываясь в расписной будке.

Будку Гришка сам раскрашивал, не жалея ни денег на краску, ни самой краски, ни времени. Алексей только смеялся, веща, что собака не оценит, не отблагодарит. Но Гвидон благодарить умел, хотя бы тем, что не оставлял клыкастых следов на руках, не рвал и ни разу не пробовал домашней

обувки, не требовал добавки к поданному хавчику. И как после этого было не ценить его?

У пруда, где в прошлый раз проходил Гришка, разноголобые лягушки надрывали зеленые глотки. Здесь Алексея силы будто покинули. С каким-то поэтическим томленьем он мягко присел и окинул взглядом низину воды. Пруд был проточный и напоминал воронку посреди лесного полотна. Над ним клонились деревья, обступали по кругу, точно от любопытства заглядывали, разведать: что там, кто там.

– Ветер оставил лес и взлетел до небес, оттолкнув облака в белизну потолка, – приглушённо, с заморожено-восторженным взглядом декламировал Алексей.

Всё также играла его разбойная диковатая музыка, но Гришка уже привык, как и Алексеей привык к доставучим кровососам.

– А чего, не горим ищо вроде? – хохотнул Гришка, осторожно усаживаясь рядом. – Больше кипишу навел, братец.

– Чую, горим всё-таки... горим в духоте и мушином рае. – Только так язвительно, но лирично и умел Лёха выходить победителем.

– Гвидо-ончик! – певуче заголосил он, складывая ладошки рупором.

– Ну-ка, тихо! – резко и властно оборвал Гришка, и друг его вздрогнул всем телом. Заозирался Гришка. Мерекнулось, нет ли? Тонкий, мерный свист плыл над высокой зеленью, меж тесно стоящих стволов.

Гришка поднялся, Алексей за ним, как по команде.

Словно приросший, на обрубленном пне сидел невесть откуда взявшийся длиннобородый старичок, хипленький, как древесная труха, сморщенный, как шалаган. Он насвистывал, дрыгая короткими ножками, пиная пятками комель пенька. Гудело в ушах, был свист какой-то тлетворный: лес точно вымер, заглохли лягушки, стихла братия гнусов, за-мертво встали деревья. Так это всё поражало обыденное сознание, что минуто, наверное, стояли друзья бездвижно.

Как тут велели вести приличия? Дедок был вроде незнакомый и как будто бы нездешний: тутошние в лес ходили в сапогах с высоким голенищем или в прадедовых ботиках, а этот сумасбродный напялил тряпочные чёботы. С чужаком и переглядываться, не то что болтать как-то неуместно.

Гришка переминался-переминался, качаясь, словно красноталовый стебель на ветру, а потом-таки переступил, шагнул навстречу. «Здрате, дедушка». Свист оборвался, зеленые глаза без ресниц бесстрастно скользнули по Гришке.

– Вырубите свою тарахтелку, – незлобно попросил дедок, поджав сухие губы. – Некрасиво она брынчит у вас.

– Нормальная у меня музыка, современная, – обиженно буркнул Алексей, однако послушно выключил музыку.

– Во-во, именно шта современная, – задирался чужак. – Энта ваша вша-современность токмо губит музыку природы. Уж как не силься тут, Матушка, современности тебе не перебить. На кой вот ляд сдалась тебе музычишка в лесу? –

Дедок так резко хлестнул в их сторону сощурено допытливым оком, что оба стушевались.

– Ну, так веселее.

– От то-то. – Старичок с ликованием стукнул по коленке крючковатым пальцем. – Вам токмо бы повесельчее, никакого покою. Хуже мушины мотыляетесь всю жизнь, ищите там какого-то веселья да так и не сыщете, так и прожигаете свои младенькие крылышки. Там уж глядишь и до старости недалече. А вы вот ща прям прислушайтесь...

Густая тишина струилась по лесу. За ней, если вслушаться, притаилась дальней дробью желна, взволнованная трель пеночки, живое судаченье других птиц, зудящее жужжанье каких-то насекомых. Дальше ветер, точно выюн, полз по фундаменту лесных звуков, скрывался в каждом шорохе листьев и кряхтенье старых веток.

– Услыхал, ага-а? – победоносно прошептал дедок, вперив в Гришку широко раскрытый глазище. – Не надобно тут иной музыки, акромя этой. Не мешайте ей, добры молодцы и, могёт, вознаградит вас Матушка. Щедрой бывает она, коли заповеди её чтите.

– Что-то вы, дедушка, сами не лучше тогда, – осмелел Гришка. – Грибов вона набрали на год вперёд.

– Хе-хе, водится экая слабость за мной. – Дедок хлопнул по корзинке, припоясанной к боку. Из-под плетеной крышечки задорно выглядывали лисички. В Тупиковом лесу сбор грибов давно стал табу: оборвали их сильно. Каленая

обида опалила Гришку. Он бессильно сжал кулаки. Опять эта «биофилия» сказывалась – от негодования у него задрожали ноги, и свело внутренности. Ему даже показалось, что он против своей воли вот-вот врежет старичку и выбьет его последние зубы.

– Ну-ну, жеребчик, охолони. Изволь свой честный ропот направить на тех, хто истовый вред приносит леснине. Чаго ты не кажешь свои грозные кулаки туземцам в строительной робе?

Гришка скрестил руки на груди.

– А греешь ты желаньце спровадить рабочих москалей отседова?

Гришка сурово кивнул. Голос старичишки становился грудным и низким.

– А хотца тебе истчо и проучить паскудников, ворующих покой у Матушки?

Гришка кивнул. Тяжёлый, внимательно зоркий глаз деда впился в него сильнее.

– Жаждуешь ты напомнить русам, хде оставили оне дух свой?

Задыхаясь от острого запаха трав, Гришка кивнул. Ещё ближе пригнулся дед. Заговорщически приглушённым стал его трескучий голос:

– Отдай тады лапу-кормилицу Хозяину, и убудет в яви это всё.

Гришке сделалось дурно, стало до измора жарко, точно

стянули его тело тугие, рвавшие кожу путы. Он будто провалился куда-то.

– Нам бы собаку найти, – спасительно выстрелил Алексей, сжав плечо Гришки. – Овчарка породы, но есть что-то... нечто сродни благородному колли шотландскому.

Дедок фыркнул, мутным глазом пробежался по Алексею и отвернулся.

– Чего не видал, того и не слышал. Рыскайте, и буде вам счастье, токмо еси заповеди Матушки не забудете.

– Не забудем, не забудем, – горячо затараторил Гришка. Осоловелость прошла, перед взором прояснилось.

Удалялись они вдвоем молча, с нагруженной совестью. Алексей чуть ли не силой тащил его прочь, напряжённый и озабоченный.

На сосновом валежнике присели отдохнуть. Дышали громко и сипло, как если б пробежали мило невозможным аллюром.

– Блажной дедок-то, – поделился Алексей. – Говорит много, а на деле известно, вся готовность улетает в небеса. Знаем такой сорт.

Гришка молча захрустел костями, переминая ноги. Здесь было темнее: гуще и вольготнее раскинулись кроны и скрыли солнце, как бы прикрывая малышей-кустарников от лишних глаз и любопытных лучей. Влагой напитался тут воздух, наливная роса ещё кое-где мокрела, хрустально поблескивала на плодах грушанки и стеблях собачьей травы.

– Гвидо-ончишко! – залился воем Алексей.

– Брось, – нахмурился Гришка, – не кричи, не найдёшь.

Он учует нас.

– Он умный, но не всесильный.

– Это все из-за приехавших, – злобно нагонял Гришка. –

Не было б никакого пожара, и дыма тоже не было б, не сбежал бы Гвидон. Всё из-за...

– Да поразит тебя гром, если скажешь, что всё из-за понаехавших! – Лёха картинно подбоченился. Противно заскрипело на зубах от этой вечной непобедимой тяги к театральщине.

– Всё из-за них, из-за стройщиков.

– Ещё, как этот хрыч, скажи, что хозяйка-природа разгневалась на нас.

– Матушка, а не хозяйка.

Алексей вздёрнул руки к небу, как бы спрашивая: «Как ты можешь быть таким тупнем?» Излюбленный жест, по его же мнению наиболее красноречивый. «И бесячий», – мог бы добавить Гришка.

– Ужели тебя взаправду так воодушевили его речи? – искренне досадовал Алексей. Его грудь часто вздымалась от переполнявшего волнения. – Очевидно же, что он сбежал из палаты номер шесть. Вся его речь – просто бред, щедро присыпанный непоколебимой верой в свои слова. Ты не глупец, чтобы не заметить это. Но с такой легкостью поддался! Какую там «лапу-кормилицу» и какому «хозяину» ты собрал-

ся отдавать? Кого ты там собрался выгонять из нашего леса? Или ты просто хотел сказать – «твоего» леса, в который без твоего ведома нельзя вторгаться непосвященным чужеземцам и таким неофилам, как я? Признавайся, друже!

Гришка затаил молчание, он стоял, тяжело сопя и не глядя на Алексея. Ему стало стыдно. Что, если на этот раз в его словах было больше правды, чем показного пустомельства? Гришка задумался: может, его биофилия была ничем иным, чем отклонением или даже симптомом сумасшествия? Потому он и спелся так быстро с другим сумасшедшим...

Эта мысль так ужаснула Гришку, что он вздрогнул, похолодев до самых корней волос, и решил больше никогда не думать об этом. Чего боишься – то признаешь и приближаешь.

– Пойдём до бруслины, – прокашлявшись, опомнился он, – под ней Гвидон любит валяться.

– И я его прекрасно понимаю, – важно согласился Алексей.

Гнус становился всё опасней и назойливей, и, несмотря на жаркую духоту, Гришка накинул капюшон куртки, проделав руки в карманы. С потаённым ехидством стал наблюдать за Алексеем, то и дело вскидывавшем пятерню для удара по кровопийцам.

– Шевелись ритмичнее, надо же скорее найти пса, – изнемогающе просил он. Гришка прыснул, дергала жажда повыбить всю спесь из кисейного барина.

Возмущенный и раздражённый, Алексей отдалился, откосил слегка вверх, уже едва различимый за колоннами сосен. В конце концов, наткнулся на сухостойную липу. Не успел Гришка моргнуть, как загребущая клешня уже нещадно жакнула по набухшим липовым цветкам.

– Не рви! – сорвался Гришка вмиг. Зря – не успел.

– Да ты чего? – Алексей выпятил губу. – Липа же! Цветущая! К чаю, и мне от сломомух отмахиваться.

И как тут объяснить, ежели сам не знаешь, отчего так вздёрнуло? Варварство ли по отношению к лесу, собственная ли беспомощность противостоять этому... Чёрт его знает! Только где-то под сердцем громынуло, встряхнуло.

Алексей спокойно оборвал развесёло-желтые венчики цветов.

Гришка понуро прислонился к дереву, прикрыл глаза ладонью, провёл по лицу, смахивая дурноту и мальчишескую дурь, подмывавшую вдарить хоть кому-нибудь, неважно кому.

– Что, до бруслины? – Алексей теперь казался бодрым. Ещё б не радостным быть, когда в руках целый букет полезной добавки к чаю. Карамельный аромат разлился от густолиственных веточек.

– Пойдём, – опустошённо согласился Гришка. По рассеянности он разбросал из памяти все лесные тропки, поэтому шёл, сам не зная куда.

За спиной оставили они торфяники, чарусы и ещё в про-

шлом веке положенных там утопленников. На востоке – вертепник дремучий, может, и деда Гришкиного пожавший, неизведанный, таинственный.

Тупиковый лес только на вид доброходный и доступный каждому. А на самом деле, сколько здесь народу перегибло, перетонуло, пропало – не перечесть.

Гришкой была изведена только окраина, ближе к бабушкиному дому, зато как изведена! Знал он каждый кустик, каждую травинку, деревце, вплоть до той самой липы, исправно дававшей пушистые цветы.

– Ты куда ведешь-то? – Алексей встревожено бросал взгляд по сторонам – он плохо ориентировался в лесу.

Гришка покусал пересохшие губы. Как они снова оказались у пруда, он не понял. Старичка на пеньке уже не было, только крылатые вампиры донимали жужжаньем.

– Не тудыть слегка ухлестали, – согласился Гришка. Придётся нестись обратно, перебирать мышцами для восхода по травяному отлогу.

Прошли валежник, снова наткнулись на липу, вновь что-то щёлкнуло по сердцу при виде веточек, обглоданных Алексеевой жадностью. Забрели в густой ельник. За ним находилась опушка, а там и бруслина, и может, след Гвидона...

По старым зарубкам на коре сосенок, оставленным неведомым пращуром, смотрел Гришка, где свернуть, где прямо идти. Вот в тени припорошилась мхом рядовка. Мякотная, вываленная в бледновато-вишнёвом оттенке. Здесь на

сосне был вырезан крест, неприметный для непосвященного. Недалеко до опушки осталось.

Где и когда не так пошёл Гришка, осталось смутной загадкой. Снова вышли к пруду. Снова упорно двинулись обратно. Снова кончиками листьев плакала липа...

Всё шло, как обычно, как надо, как завещали лесопроходцы отметинами на стволах. Только когда внезапно очутились они на кочкарнике болотистом, упорство и уверенность Гришки подтаяли. Снуло звенел гнус, вязко чмокала под ногами размокшая земля, равнодушно качали головками хвощи, от долгой ходьбы в куртке сделалось невыносимо парко.

Повернули назад. Алексей пыхтел, не привык он к долгим переходам.

Вернулись к сосновым аллеям. Поднимались по склону бесконечно долго, и Гришка нечаянно потерял зарубки. Пруд, в который раз, приветствовал их трелью птиц.

– Говорил я тебе, не отдохнул ты еще. Все тропы перезабыл, — ругался Алексей, приваливаясь на траву.

– Не перезабыл, просто...

– Скажи ещё, сила нечистая виновата. Нет-нет, лучше скажи, строители виноваты. Во всём они, лютые ироды, виноваты.

– Иди домой, раз надоело.

– Ты меня сюда завёл, ты и выведешь. Тем более, ежели ты теряешься всё время, так и пропасть тебе одному – раз

плюнуть. Или ты по дедовским стопам решил пойти, с концами бухнуть в небыль?

Сильно так сжало в груди. Но Алексей, как обычно, если и ляпнул что ненужное, если и полоснул по больному, не заметил даже.

– Я без Гвидона не уйду, – стоял на своём Гришка.

– А вот он без тебя уже ушёл. Ясно же, нет его здесь. Вернулся уже домой, сидит в будке своей, роняет слюни на лапы от... от грусти и тоски.

– Ладно... пошли, – сдавленно выдохнул Гришка. Он долго и тяжело прощался с лесом, с Гвидоном, посекудно глядя по сторонам, вдруг где мелькнет шальной собачий хвост. Тянул время, но Лёха не дурак, не проведешь его.

«Ты давай уж в полный голос, смысл стрелять взглядом по кустам, как шпион? Гвидо-о-онишко!» У него был хорошо узнаваемый и везде слышный тенор. У Гришки голос постоянно колебался, менялся под приступом того или иного чувства.

У окраины леса деревья поредели. Потянулась знакомая, «домашняя», для местных стёжка – кривлястая, поросшая медуницей. Отсюда до деревни – два шага.

Только почему-то два шага обернулись не тремя и не четырьмя. Тропинка всё не кончалась, тянулась, благоухая молоденькой медуницей. В носу осторожно щекотало. Алексей чихал, и Гришка с нарастающим сочувствием замечал, как летят его слюни и сопли на букет липы.

Пройдя «домашнюю» тропинку, немислимым образом опять оказались рядом с прудом. Даже у неверующего Алексея глаза растопырились, как у курицы, несущей яйцо.

Мир вдруг поплыл, а потом сомкнулся вокруг Гришки темнотой. Не жалея брезента, чуть ли не рвал он душную штормовку на себе, расстегивался, открывая голь тела.

– Такое... не по какому... не по какому ящичку не увидеть, – обрывисто задышал Алексей, судорожно сжимая исжамканный букет. Гришка очумело поглядел на него, повёл взглядом по сторонам. Другой, чуждый лес, впервые видимые тропки, неподатные обхождению и приручению. Заглохнешь здесь. Вот что с дедом случилось...

– Пойдём, домой надо. – Кто-то другой говорил Гришкиными устами, более сильный и решительный. Несломимый.

Поплелись по наитию. Страх делал шаги неподвижными, ломал уверенность. А вдруг снова поведёт не туда, приведет в глушь, к смерти?

Гришке взбрело пойти по-иному, обмануть нечисть зубокальную. Обогнули хоженую дорожку, углубились в колючий терновник. Пришлось снова запахнуть, чтобы не посадить царапины.

По правую руку, затененный черемухой, лёг муравейник. Высокий, холмистый, с острой шапочкой мертвых веток и жухлых листьев. Домовито лобызали его муравьи. Муравейник был зна́ком, возвещавшим, что до выхода из лесу – всего ничего протопать.

Сосны расступились перед полянкой. Она была обсыпана незабудкой, словно сахарный пирог. Ясно-синие головки постоянно кивали, соглашаясь с чем-то предельно очевидным. Наверное, с тем, что не было лучше места для отдыха.

Ещё прежде чем Алексей запрокинул ногу, утопая в хрупкой травине, услышал Гришка отрывистое бляенье бекаса – верного спутника болотины. Вовремя схватил Лёху за рукав толстовки, потянул на себя, но тот уже начал проваливаться в трясину.

Алексей взвизгнул, выронил нарванные листья, вцепился в Гришку. В ужасе курлыкали кулики, перепугано качали головками незабудки. «Волос лишусь, шкуру искровлю, а не оставлю Лёху! Уйди, нечисть!» И одним, усиленным махом вытянул друга.

Оба упали на твердую почву как перебитые куропатки.

– Бегóm, – вспугнуто прокряхтел Алексей, напряженно хватаясь за траву. Мельком Гришка увидел, как тонули прожилки липовых листьев в черной мути болота.

Сорвались с места, труханули из последних силенок, точно на них цепную шавку спустили. Мрел в вечеряющем лесу силуэт старика. Мерещился злобно ликующий смех. И свербил он уши до самой окраины, пока лес не выпустил их к речке.

Алексей уткнул ладони в колени, толстые струи пота ползли по его лицу вниз.

– Что ж за новина такая, – сокрушался он, прерывно ды-

ша. – Не мерекнулось же нам. Такое расскажешь... Такое расскажешь, примут за психа.

В мозгу Гришки зрела мысль, крившая ответ на все сегодняшние напасти. Озвучивать не стал – неверующего в его неверии не разубедить. Но почему всё же выбрались они, лишь когда липовые листья остались в болоте, не вынесенные за границу леса?

Вечер спускался на подмости деревни, золотое солнце выступало над рекой и далекой пашней. Дома бабушка обругала, обкостерила двух друзей как последних забулдыг и бродяг. Но пока бранилась, наливала горячую похлёбку. Самую сытную и вкусную на всём белом свете.

Гвидона дома не оказалось, и одно это толкало вернуться, возвращаться до тех пор, пока не найдётся верный старый друг.

Алексей ушел домой со всегдашней ухмылкой, кинув на прощание оптимистичное заверение, что Гвидон вернется утром как «истинный солдат, верный своей Отчизне – Конуре, в которой кормят, холят и лелеют задаром». Гришка почему-то был уверен, что Алексей чуть ли не с ненавистью винит его в том, что они заблудились и прошлялись весь день в лесу. Но постарался отделаться от этих мыслей. Негоже на друга дурное гнать.

Ночью туманный сон тревожил Гришку. То чьи-то горящие глаза просеивали плотную молочную мглу. А то вовсе непонятные тени кружили в дыму. Они все шептались, то набирая громкость, то затихая, как гром вдалеке. «*Комоедича...*»

Очнулся Гришка посреди ночи от настойчивого стука в парадную дверь. Жуткие мурашки взобрались по хребту позвоночника, вздыбились волосы на руках. Казалось всё – вплоть до родного дома – незнакомым. Словно бы сон не кончился и просочился в реальность.

Беспомощно метая руки по сторонам, с трудом двигался Гришка вперёд, как через заросли тёрна. Дома никого не было. Частенько бабка оставляла его, сама к знакомым уходила, там, где живее, подвижнее жилось. Его звала с собой, но голодный до исцеляющего после работы одиночества желал он скорее один оставаться. Колготня⁴ людская претила.

Шатко переступая по скрипящим половицам, добрался Гришка до двери. Тревожил вопрос: кого бы это принесло? После всех недавних событий притупилась Гришкина бдительность.

Входная дверь зычно задрезжала, бряцнула щеколда, и

⁴ Колготня (устар.) – суета.

волна бодрящей сырости шагнула в дом. Гришка непонятливо оглядывался, шурясь от зажжённого фонаря под притолокой. На улице никого не было. Лишь притихший ветер гулял по деревне. Померещилось должно быть.

На внутренней стороне двери неподвижно висела медвежья лапка, зловещая и предостерегающая в угольном мраке. Перед тем как зайти обратно, Гришка оглянулся.

Всё тот же двор, всё то же ночное безлюдье. Большая Медведица в выси. Приковала внимание перемигом звёзд, согласно вставших в рисунок. «Покойной ночи, путеводная», – простился Гришка.

Не успел до конца запахнуть дверь, как новый стук пронзил тишину, резкий и ощутимый, он заставил Гришку отпрыгнуть. Это точно был не ветер.

Вооружившись только внутренней силой и досадой от невыспанности, Гришка до конца распахнул дверь. Сперва наткнулся на медвежью лапку, задержался на ней, как на чём-то спасительно привычном и неизменном. Всё тот же двор, всё то же безлюдье, всё та же Медведица в вышине.

Если кто и мог так шутить, то либо его воображение, либо сила нечистая. Гришка осмотрел двор – каждую лихую тень, ища невиданную злую силу. Ничего и никого.

Снова дрожащий дребезг закрывающейся двери стесал с половиц пыль, снова бряцанье ржавых петель разметало тишину. Хлопнув задвижкой, Гришка настороженно согнулся, прислушался. Опять тот же стук вышиб дых из надсадно

хрипящего створа.

Ругнувшись про себя, он отпер дверь. Сушная нелепица творилась. Где и какой шутник притаился? Бессильно пожимав и поразжимав пальцы, собрался вернуться домой и, заткнув уши чем-нибудь, уснуть. Но только спиной скорее ощутил, чем различил топтанье у тропинки к дому.

Медведь мерно и плавно, косолапо переминался, смурым взглядом буравя Гришку. Воздух застыл, оцепенело и время. Не было ни деревни, ни двора, ни христовенькой родненькой избёнки.

Гришка будто и забыл как дышать, не от страха, ужаса или смущения, но от какого-то необъяснимого восхищения. Топтыгин поднял маслянисто-лощёный нос кверху, будто чего-то спрашивая. Гришка непонимающе нахмурился. Зверь дыхнул, вся мощь его слилась в этом тяжёлом дыхании. Разомкнулись чёрные блестящие губы. Тут же растворилось в воздухе белое облачко пара.

Медведь пошатнулся, мясисто-шерстистая бочка тела плавно качнулась, и он сгрёб землю обрубком лапы. Гришка протрезвел от догадки. Там, где когти, похожие на вороньи клювы, должны были выходить из плотной шерсти, была обросшая кулья. Правая лапина была цела, а вот левая – как у калеки.

Без пущей лишней думы сорвал Гришка лапку со двери и бросил гостю. Только узловатая нитка и осталась болтаться на двери.

Лапка казалась совсем крошечной по сравнению с необъятным телом чудовища. Но медведь как будто остался доволен, тучно поклонился и, сгребя подарок, широким задом начал пятиться назад, выходя со двора. Не поддававшаяся фонарю темень быстро скрыла его силуэт.

Гришка отстранённо глянул в небо. Созвездие Большой медведицы куда-то испарилось, как если б её звёзды некто погасил.

«Значит, медведица приходила», – без особого удивления подумал Гришка и грузно потопал в свою берлогу спать. Утро стёрло из памяти всё, что было ночью, а может, чего и не было.

Рябчик

– Вас посадят, понимаете, п-о-с-а-д-я-т, – по буквам, как до глухонемого донося, хорохорился прораб.

– Если и посадят, то только за стол, горилкой вздрогнуть да спросить, как я до такого докатился. – Игорь Петрович безмятежно оглядел напряженного прораба, «эксперта по организации строительства», больше похожего на напуганного повесткой в армию сосунка. – Теперь будьте добры, разрешите покурить. – И не спрашивая разрешения, Игорь Петрович вышел.

Ноги от долгого сидения затекли, глаза от усталости болели, запах гари пристыл в ноздрях и провис где-то под небом, садня рот. Дыму в лесу налило такого плотного и ощутимого, словно где бомба взорвалась, но огня не было. Сошла белая хмарь, и деревья остались нетронутыми шумливыми, трава – нескошено благоухающей, живность, и та, на месте осталась. Вопросов много уже высыпало, а сколько еще будет. И, конечно, его обвинят в первую очередь.

«Припугнуть хотели, председатель? Работы сорвать? Бомбу, шашку дымовую или что подкинули? Да неважно, так и так посадят», – с ехидным упоением щурился молоденький прораб. До трясушки тянулись руки к ремню – всыпать продажному пройдохе.

На пороге сельсовета дыхнуло свежим воздухом, прелью

догорающего дня. Где-то на востоке, затенённая лесными кущами, такала басонная фабрика – гордость Тупиков и всего района. Сельсовет, низенький, приплюснутый, скособоченный от времени, с кровельной крышей, стоял поодаль от райцентра. Неподатливый законным порядкам был у них сельсовет, прямо как Игорь Петрович. Сравнение это никогда не давало ему покоя, давя на собственную отчужденность, как на больной нарыв.

Игорь Петрович нашарил в кармане брюк пачку сигарет. Хотел закурить да осекся: зябью прошиб вспомнившийся задымленный лес. Дурно стало от самого себя. Нечестно и некрасиво это было б по отношению к родным местам, вандализм какой-то – почти как курить на могиле скурившегося туберкулезника.

На гравиевой дорожке под угловым окошком примостилась серо-синяя Нива участкового. Как из другого мира её прибило – нечасто жаловали блюститители порядка в Тупики: тихо, спокойно тут было. До сего момента...

Глаза-уголья, укорительные, укрощающие даже самую несмелую мысль о сорвании лепестка или травинки.

Игоря Петровича передернуло, точно отцовское недовольное ругательство по уху жигануло. Примерещилось от бессонья или взаправду был под дубом деревянный столб с человечьим очертаньем?

Шорох зернистого гравия выдернул в настоящее. Рябоватое, скуласто-широкое лицо участкового, меняясь в выраже-

нии, обратилось к нему:

– Вот что, Петрович, езжай-ка ты домой.

– Какого бы рожна?

– А какого рожна высиживать тебе тут? Немтырем всю ночь проторчишь.

– Всю ночь?

– Деньжищи тут нехилые замешаны. Долго умасливать этих строил придется, не уймутся они так.

– Зато мы уняться должны, когда наш лес рубят.

– Тут тока смириться. Смирись и не высовывайся, Петрович, живет будешь.

– А мож, не хочу я живым быть.

Участковый усмехнулся, мол, «сам смотри», а потом добавил:

– Ты, главная, отсюда уйди, пока не задело.

– Уж задело...

– Дописали? – с неугомонным подозрением оборвал прораб.

– Дописали, вот проверяйте. С ваших слов всё точно. Подписывайте. – Участковый привычным, повелительным махом отдал протокол щупло-смешному на его фоне прорабу. Тот приосанился, как если б ему медаль давали.

На доску кривенького штакетника примостился ворон. Черная бусинка глаза уперто уставилась на их маленький разговор. Ну, точно следил вороняга! Так эта мысль позабыла Игоря Петровича, что он ухмыльнулся.

– Смеетесь? – обозлёно вякнул прораб. – Недолго вам с таким подходом в председателях осталось.

Участковый поглядел укоризненно, а ворон ожил, растопырил перья и возмущенно гаркнул.

– Так дело уголовное будет возбуждено? – скорее от скуки спросил Игорь Петрович.

– Как сами изволите желать. Какое заявление напишете, такое дело и заведем, – объяснил участковый.

– Что эксперты выявили? – допытывался прорабчик. – Откуда пожар пошёл?

– Экспертов не вызывали. – Участковый, словно ища опоры, ухватился за ремень штанов. – Ваш бригадир и его команда, и наши сотрудники провели обыск в указанной местности, но следов поджога не нашли. Скорее всего, где-то торфяник загорелся, под землей задымил, а потом либо от ветра, либо под трухой затух.

– «Скорее всего», говорите... – с нападкой высказал прорабчик. – Почему не пригласили экспертов?

– Только если напишете заявление. Но тогда срубку леса и постройку отложим. – Хорошую ловушку поставил участковый.

– Как же мы можем вести работы, если в любой момент мы подвергаем опасности рабочих? Это будет на вашей ответственности и администрации района.

– Задымление пошло, когда там были ваши рабочие, и в случае чего, вина на вашей фирме будет лежать. Хотите экс-

пертов – вызовем, но постройку запретят или отложат в долгий такой ящик. Или продолжайте работы, но нанимайте ваших экспертов и проверяйте местность сами.

Прорабчик даже сник, ссутулился. Был отважный, стал неважный. Оживленные огни в его глазах померкли, и осталась одна сизая муть.

– Ничего, решим, – под нос, обращаясь к мыскам своих дорогих туфель, буркнул прорабчик. Жалко его стало. Ворон милосердно перхнул.

Вслед, как по заказу, зарядило птичьим помётом по лацкану прорабчикова пиджака. Вмиг вышел он из оцепенения, весь пошёл мелкой дрожью, как обмокший кошак.

– Да что же это?! – риторически просипел прорабчик, брезгливо и опасливо разглядывая грязно-зелёное пятно, а затем снимая пиджак.

– Ох, не к добру это, – издевательски напроорочил Игорь Петрович, схлопотав перепуганный взгляд от прорабчика. – Да вы не берите на свой счёт, тут место такое гадливое, все время гадют да гадют. Так и ходим по дорожке тутошней – прикрывая голову, чё бы ни попало.

Будь возможно такое, зенки прорабчика точно из глазниц вылезли бы – так сильно округлились от испуга. Тут же вскинулся он и диким рябчиком упорхнул под навес сельсовета, озираясь, точно в ожидании, когда геенна огненная грянет.

– Вы заявление будете подавать? – разбавил участковый.

– Нет, – уверенно отрезал рябчик-прорабчик. – Сами зай-

мемся этим, чем доверять всяким... – оборвал на полуслове, вовремя опомнившись.

– Пройдемте внутрь, подпишете бумаги.

– Какие? – с острой подозрительностью прищурился.

– А вот, пожалста. – У участкового всё всегда под рукой – нужная бумажка, кобура и должностная честь в избытке.

– Абсурд какой-то понаписан здесь. – Прорабчик был сбит с толку, его полные щёки надулись и колыхались, готовые взорваться бранным кудахтаньем. Ну, точно рябчик. Видал Игорь Петрович птицу рябчика в лесу, вот такого же дутого, нахохлившегося и грузного от тяжелого самомнения.

В выражении участкового Игорь Петрович разглядел утомление.

Они уже стояли в председательском кабинете, и мысль о наливке, плохо запрятанной за древним сервантом, не давала покоя Игорю Петровичу. Всё мерещился запах спирта и клюквы. Будь она неладная, клюква самобранная!

– Тут у вас в протоколе выставлено всё так, как будто и не было никакого дыма, и что бригада строительная виновата во всём, – возмущался рябчик-прорабчик.

– Так надо, чтобы дело не заводить. И вы не виноваты, и мы как бы ни при чем. – Участковый ткнул пальцем внизу протокола, где нужно было расписаться.

– Ну и порядки, – гневный росчерк поставил конец всей заварушке.

– Да не волнуйтесь вы, товарищ прораб, – сладень-

ко-еденько пел Игорь Петрович, – никуда ваша стройка не денется.

– Прораб? – Лицо рябчика позеленело, глазищи снова округлились, как грибные шапки после дождя. – Какой я вам прораб? Я эксперт по организации строительства! Имейте хоть каплю уважения к тем, кто выше по званию.

Пока рябчик что-то кому-то упорно доказывал и указывал, Игорь Петрович упрямо тянулся мыслью к наливке.

Желтая, вымоченная в уходящих лучах, пыль оседала на облупленный подоконник. Густел за окном чернено-смолистый лес, стрекотала там дикая жизнь.

– Это что еще за издевательство такое? – Лицо рябчика побагровело, прожилки на висках вспучились. Как по наущению, все трое уставились на лакированные ботинки прораба. Домовая мышь жалась к глянцевиному мысику, как к плотику посреди моря.

Прораб пытал её натуженным взглядом выпученных глаз.

– А ну, брысь, гадина гадливая! – взорвался он тонким голосом. Не менее жутким писком разразилась мышь, скидываемая брезгливым махом ноги.

Игорь Петрович ощущал, как лёгкие лопаются от смеха, и через силу сдерживал себя. «Гадина гадливая» оставила память о себе в виде не менее гадкого помёта на вычищенной обуви рябчика. Выражение у того было плаксивое, глаз дергался, и будь он в возрасте, так точно удар хватил бы.

– Счастливым до скончания веков будете, – утешил Игорь

Петрович, уперев руки в боки, чтобы сдержатъ истерический хохот.

– Черт знает что, – несчастно буркнул рябчик, раздражённо теребя в руках перепачканный пометом пиджак и усиленно что-то ища в его карманах.

Рукастый участковый и на этот раз вовремя нашёлся – точно ловкий фокусник вытащил невесть откуда носовой платок и подал прорабу.

– Я вроде все бумаги подписал, господа, – отряхнувшись, рапортовал рябчик, будто от стыда пряча дутую шею за воротником, – можете идти.

– Благодарю, но кабинет мой вы вроде ещё не выкупили, – спокойно ответил Игорь Петрович, подмечая, как крепко сжались челюсти участкового. – Так что можете сами идти.

– Сегодня я созвонюсь с директором, – заговаривал зубы рябчик, – а завтра утром приедет начальник смены и сообщит, какие действия наша фирма примет дальше, и какие потребуются от вас – для содействия. Согласно договору.

Игорь Петрович, как прикованный, последовал за ним, изнемогая от желания вымести сор – чужака – из избы.

Снаружи воздух показался каким-то тухлым, испорченным присутствием чужеродного элемента. Игорь Петрович поморщился, хотя чужеродный элемент, даже обгаженный, продолжал пахнуть одеколоном.

Всё-таки зря участковый прогнул рябчика не подавать за-

явление, так бы можно было лес спасти или хотя бы отсрочить гибель. Всё было бессмысленно напрасным.

Воздух дребезжал от мушиного жужжания. Крупная мастистая цокотуха незаметно села на плечо рябчика и потерла лапки. «Верно села, подруга, на том самом сидишь». Нежное злорадство щемило сердце председателя.

Всё тот же неестественно дружелюбный ворон кособочился на штакетнике. Его звучное гарканье напугало рябчика и заставило отшатнуться как от силы нечистой. Муха, недовольно журча, взвилась вверх, но тут же вернулась с подругой побольше и посмачней.

– Всего доброго, – бросил прорабчик. Деловито зашуршали его туфли по гравию. Третья и четвертая – Игорь Петрович считал – мухи, как осенние листья, падали на плечи рябчика по пути к черной иномарке. Он недовольно отмахивался, но мухи зловредно и назойливо возвращались, росли на глазах числом.

Игорь Петрович сам не заметил, как и откуда привалила целая армия точно крылатых телец. Нельзя было уже различить ту самую, заводилу-муху, первой севшую на прораба. Непрерывное жужжанье разлилось по округе, заглушило игривый ветер и говор полей.

– Что же это? За что? – обессилено кричал рябчик, безуспешно отбиваясь от мушиного галдежа. Он отмахивался пиджаком, как щитом, но враг был неумолим и непобедим. Страшное зрелище, до смешного страшное.

Бесновато метался среди ветвей лиственницы ворон. Крик его отдавался в ушах Игоря Петровича неясным ликованием. «Так его! Так!»

В конце концов, мух стало так много, что за ними невидно было прораба. Он уже и пританцовывал, как будто они его кусали за пятую точку – до чего брезгливость довела.

– За что? За что? – униженно пищал добываемый враг. Мухи отвечали грозным жужжанием. Рябчик дошёл до крайности – бросил им на заклатие дорогуший пиджак, а сам упал на колени и, безуспешно прикрывая голову, завыл. За весь день председатель не видел ничего более удивительного и удовлетворительного. Тяга к сигарете и наливке отпустила.

Со смесью изумления и ужаса участковый вытянул рот в букву «о».

– Михаил Степаныч, закройте рот, муха залетит, – назидательно прикончил Игорь Петрович.

Ящерова невеста

И увидела богородица мучающихся в аду, и было тут множество мужей и жен, и вопили они. И спросила благодатная архистратига: «Кто это такие?» И ответил архистратиг: «Это те, кто не веровали в отца и сына и святого духа, забыли бога и веровали в то, что сотворил нам бог для трудов наших, прозвав это богами: солнце и месяц, землю и воду, и зверей и гадов; все это те люди сделали из камней, – Траяна, Хорса, Велеса, Перуна в богов превратили, и были одержимы злым бесом, и веровали, и до сих пор во мраке злом находятся, потому здесь так мучаются».

(«Хождение Богородицы по мукам»)

Пепел медленно осел, загрязнил светлый девственный известняк. Пусть. Всё равно никто не узнает. И даже Он...

Василиса шустро потушила сигарету, вглядываясь в табачный след на камне. Не дай Боже увидит кто из соседей. Зашепчется люд, загудит деревня слухами, а там глядишь и до *Него* дойдёт... Здесь-то её невидно, никому невидно, никакому белому или черному свету.

Из разбитого, измыганного окна были видны северный кусок деревни внизу и сосны на косогоре.

Здесь, в церковном приделе, пахло травой и мочой – из-за частого пребывания молодёжи. Место всё-таки заброшен-

ное, хоть и освящённое... Но Василисе с высокой колокольни было плевать, чем пахло, и плевать, что она ходила сюда курить... Нет, в последнем случае не плевать.

Она стыдливо глянула на лик Спаса нерукотворного, запрятанный в барабане церковного купола. Изображение истёрлось, поблекло, но глаза точили укором непреклонно и безжалостно.

Василиса одёрнулась, смахнула пылинки со строгой юбки, поправила и без того ровный пучок волос. По старинке она была вооружена только закрытым костюмом и непреступным взглядом – всё, как мама завещала и преподавательский этикет велел.

Иконостас лежал скособоченный, разобранный, поруганный, точно зверем подранный: рваные, нечеловечьи следы остались на образах, содрана была краска.

Василиса засемила к притвору, стараясь не смотреть в сторону алтаря. Там на Царских вратах было нацарапано взволнованной ручонкой «говеть = гореть». Её детской ручонкой. Давно это было, тысячу и ещё сто жизней назад. Невесть какого божка она тогда из себя воображала, и только спустя годы совестно стало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.